

ВИТАЛИЙ КАНДАЛИНЦЕВ

УЧЕНИЕ
ОПТИНСКИХ
СТАРЦЕВ

12+

Виталий Кандалинцев
Учение Оптиных старцев

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кандалинцев В. Г.

Учение Оптинских старцев / В. Г. Кандалинцев — «ЛитРес:
Самиздат», 2010

Наставления Оптинских старцев имеют непреходящее значение в качестве практического руководства для христианской жизни. Книга содержит поучения Оптинских старцев и комментарии к ним в рамках предложенной автором структуры.

© Кандалинцев В. Г., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Учение о воле Божией	7
1.1. Границы человеческого мышления	8
1.2. Путь к смирению	10
1.3. Богоугодное видение жизни	14
1.4. Направление к Свету Лица Божия	18
Глава 2. Учение о смирении	22
2.1. Путь к Богу	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Предисловие

Предлагаемая книга содержит подборку поучений и наставлений Оптинских старцев. Наследие старцев обширно, и подборка включила только некоторую часть из того, что было ими сказано. Если давать определение сущности старческого учения, то его можно назвать практическим руководством по усвоению и применению слова Божия в христианской жизни. В этом качестве учение старцев бесценно.

Для ознакомления читателя с данным учением было выделено десять направлений старческой мысли, каждому из которых посвящена отдельная глава. Наставления старцев приводятся в определенной последовательности, которая позволяет убедиться в глубокой внутренней связи всех частей их учения. Комментарии к наставлениям призваны отразить эту связь и показать системность, целостность старческого учения. Автор комментариев стремился строго следовать смыслу высказываний старцев. Поэтому комментарии часто повторяют соответствующие поучения. Вместе с тем они акцентируют внимание на тех мыслях старцев, которые обеспечивают переход от одного их высказывания к другому.

В главе 1 раскрывается подход старцев к познанию и исполнению воли Божией. Отправной точкой здесь выступает признание определенной ограниченности обычного человеческого мышления. Поняв, в чем состоит эта ограниченность, человек может перейти к смирению, которое старцы определяют как путь к Богу. По их учению, только смиренный человек приобретает истинное, Богоугодное видение жизни и способен всю жизнь выдерживать направление к свету Лица Божия.

В главе 2 учение о смирении рассматривается более подробно. Ключевой момент – смирение является важнейшим для спасения качеством человека, которое в нас прежде всего ищет Господь. Именно смирение в состоянии противостоять губительному действию гордости. Проявляется смирение в способности человека считать себя хуже всех. Вместе с тем в смирении есть степени, по которым рекомендуют идти старцы, чтобы осилить путь смирения. И есть определенная специфика смирения в мирской (в отличие от монашеской) жизни, которую тоже надо учитывать.

Глава 3 излагает учение о молитве. Основой молитвы выступает смирение, благодаря которому человек может идти молитвенным путем, несмотря на свою немощь, и проходить степени молитвы. Старцы детально характеризовали степени молитвы, используя три взаимосвязанных классификации: по месту пребывания сознания и творения молитвы, по характеру моления и его результату, по качеству молитвы как дара Божия.

Глава 4 посвящена учению о покаянии. В нем существенное место занимают определение признаков истинного покаяния, наставление, как правильно приносить покаяние. Старцы дают знание уловок врага, который стремится сделать покаяние неистинным, и одновременно четко показывают, что Господь законоположит согрешающим. Не оставляются без внимания и вопросы, что делать, если исправление не удастся, и как достичь единства с Богом.

В главе 5 приводятся поучения о спасении. Указывается на необходимость иметь сознание собственной греховности, чтобы смиряться, а не гордиться. Также старцы говорят о важности умеренности (избегания крайностей), а также труда и лишений. Для спасения нужно быть осторожным и внимательным к спасению.

В главе 6 характеризуется учение о помыслах. Если первая стадия помысла (прилог) не является грехом человека, то последующие (сочетание и сосложение) уже образуют грех. Пропуск прилога на следующие стадии создает всеусиливающуюся опасность поражения страстью (пленения греховным помыслом, толкающим на грех уже и через действия – слова и поступки). С исключительным искусством старцы наставляют правилам борьбы с помыслами, учат осмотрительности и прибеганию к помощи Божией.

Глава 7 содержит учение о страстях. Причина и корень страстей – гордость, которую старцы метко называли семиголовой гидрой. В соответствии с этим выделены семь тенденций гордости, которые вместе образуют совокупность различных страстей, борющихся человека. Приводятся семь пунктов общего понимания причин страстей и средств борьбы с ними.

Глава 8 раскрывает учение об искушениях. Испытания необходимы для нашего исправления. Они болезненны и часто воспринимаются нами как что-то неприятное и ненужное, что надо избежать. Старцы указывают, что искушения, по сути, инструмент в руках Бога, посредством которого Господь делает души более совершенными и пригодными для спасения.

В главе 9 рассматривается учение о любви. Бог любит людей больше, чем они порой думают, утешают старцы. А вот люди должны помнить, что ответная любовь к Богу состоит не в умилении и не в восхождении к Нему умом, а прежде всего в исполнении Его заповедей. Приводится поучение о триединстве любви детей Света. Любовь без смирения падательна, а потому нужен союз любви и смирения. Как и знание наших ошибок на пути любви, которые довольно часты, особенно в начале этого пути.

В главе 10 излагается учение о жизни. Здесь старцы ведут речь о призвании человека к добрым делам и дают определение, что нужно считать добрым делом. Они говорят о заповедях как основе человеческой жизни, но также указывают на необходимость трезвения и неизбежность креста, который вырос на почве нашего сердца. Смиренное несение креста приносит душе мир. Наставляют старцы и правильному отношению к браку и семье, болезням и смерти.

Глава 1. Учение о воле Божией

Начало учения старцев посвящено воле Божией. Для познания и исполнения воли Господа нам нужно учесть границы человеческого мышления, через отвержение своего разума перейти к смирению, обрести богоугодное видение жизни и на всем ее протяжении идти в направлении к Свету Лица Божия. Эти ключевые положения старцы затем всесторонне развивают в других частях их учения.

1.1. Границы человеческого мышления

Наставления первого Оптинского старца Льва (1768–1841) открываются в используемом нами источнике тремя высказываниями о воле Божией:

Мы мыслим и судим, яко человецы, да и человецы еще плотстии. А премилосердый Господь вся вестъ, еще и несодеянное наше.

Где воспоследует воля Божия, там никакие пресильныя препятствия не одолеют.

Милосердый же Господь исполняет и обращает все в Свою волю и на пользу нашу, хотя по видимому и противными нам средствами и последствиями. Мы при помощи премилосердаго Господа Бога потерпим, да и посмотрим... [1, с. 51].

Понимание ограниченности человеческого мышления, его несовершенства выступает для нас исходным пунктом в познании воли Божией. Мы мыслим и судим как люди, да еще люди плотские. Следовательно, в нашем мышлении есть два ограничения: (1) предел, положенный Творцом Его творению – человеку – в способности мыслить и постигать в понятиях реальность; (2) плотский характер мышления, его обращенность к земным явлениям ограничивает способность человека воспринимать более значимые для него законы духовного мира и их место в его жизни.

В противоположность этому милосердный Господь все знает, даже то, что люди еще не сделали. У Бога нет ограничений на знание о нас ни по времени (наше будущее сокрыто от нас, но открыто для Бога), ни по причинам (люди далеко не всегда знают истинные мотивы своего поведения, но Господь обладает таким знанием), ни по какому-либо другому признаку. В этой ситуации единственным разумным основанием нашего мышления выступает понимание необходимости искать и принимать всецело волю Божию. И нужно также понимать, что это – единственно возможный путь нашей жизни, на котором мы через многие скорби обретем уверенность в воле Божией как благой и совершенной для нас.

Прп. Лев говорит об этом коротко: там, где воспоследует воля Божия, там никакие препятствия не будут страшны. Но также разъясняет, что наши понятия о воле Божией вследствие названных ограничений человеческого мышления могут и не достигать духовного смысла жизненных событий, определяемых волей Божией. Поэтому хотя милосердный Господь обращает все в Свою волю и на нашу пользу, мы часто ропщем, что средства такого обращения нам неприятны и даже противны нашей падшей натуре.

Старец Лев выделяет очень важный принцип познания и принятия Божественной воли – терпение. Люди должны с Божьей помощью потерпеть все, ниспосланное Богом, «да и посмотреть», то есть увидеть, в чем заключался праведный смысл прошедших испытаний.

Второй Оптинский старец Макарий (1788–1860), раскрывая сущность духовной жизни, еще более решительно характеризует ненадежность человеческого разума и говорит об «отвержении разума и неверовании самому себе»:

Духовная жизнь не в том состоит, чтобы видеть свои исправления, а в том, чтобы зреть своя согрешения; первое приводит к гордости, а последнее к смирению, от которого и добродетели бывают тверды, и не возвышаемся умом о них. Враг борет нас различно: если не может вовлечь нас в пороки, то внушает мысль о своих исправлениях и тем помрачает ум наш и отводит от Бога. Первый наш путь есть отвержение своей воли и разума и неверование самому себе... [1, с. 81].

Прп. Макарий продолжает и развивает мысль прп. Льва. Если Лев говорил об ограничениях человеческого разума, исходящих от Бога (пределы мышления, положенные Творцом своему творению) и от самого человека (склонность рассуждать по плоти, а не по духу), то Макарий называет и третье ограничение – исходящее от врага человеческого рода и заключающееся в насильном помрачении разума.

Лев смотрит на Бога и Его промыслительное действие и учит людей терпеливо ждать прояснения смысла этого промыслительного действия; Макарий не упускает из виду врага и его жажду человеческой гибели и поэтому предостерегает от отождествления помрачений ума с его нормальной деятельностью. Поскольку «враг борет нас различно», и днем и ночью, то и помрачения находят на земного человека фактически непрерывно. В этой ситуации «отвержение своей воли и разума и неверование самому себе» выступают вынужденной мерой духовной защиты.

Здесь раскрывается важный нюанс: отречение от своей воли и разума нужно именно потому, что то, что человек принимает за «свое», на самом деле чаще всего является «чужим». То есть силы зла стараются воздействовать на человека непрерывно через помыслы и не дать ему возможности выработать нормальную, действительно свою позицию по тем или иным вопросам.

Поэтому положение Оптинских старцев об отречении от своего разума и неверовании самому себе не следует понимать абстрактно, в смысле неверия в Богоданную способность человека мыслить. Более правильно их высказывания по этому поводу понимать как признание, что у земного человека нет возможности нормально мыслить в силу его пребывания в мире, раздвоенном на добро и зло.

Но не мыслить вообще человек не может. Поэтому «отвержение от своего разума и неверование самому себе» на самом деле является базовым правилом того мышления, которое для человека еще возможно. Данное правило характеризуется строгой направленностью мышления на ту область, из которой исходит угроза духовной гибели, – «зрение своих грехов».

Именно постоянное и непосредственное видение своих согрешений защищает человека от принятия наиболее опасного помысла о своем превосходстве над другими, побуждает сделать его очень трудный шаг – признать свое недостойство, то есть увидеть себя таким, какой он есть через пребывание частью своей природы во зле.

1.2. Путь к смирению

«Признать свое недостойнство, увидев себя таким или такой, какой или какая я есть». Что стоит за этим признанием? Видение своей немощи, невозможности проявить себя совершенно в соответствии с духовным законом своего существования, заповедями Божиими. Понимание необходимости врачевания данной немощи, восполнения благодатью Божией ущербности нашего бытия. Острого ощущения, что искать источник благодати нужно не в наших заслугах (которых нет), а в милости Божией и только в ней. И наконец, принятие смиренного упования на милость Божию как источник своего существования.

По учению Оптинских старцев, смирение есть то, в чем безусловно заключается воля Божия относительно каждого из нас. Поэтому отречение от своего разума и неверование себе имеет первоочередной целью достижение смирения, которое угодно Богу. Преп. Макарий пишет об этом вполне определенно:

Господь ищет от нас смирения; с смирением и малые дела Господь приемлет, а без смирения и большие исправления Ему не угодны, что видим на фарисее. ... Не доверять себе и не следовать своему разуму и воле – есть путь ко смирению... [1, с. 90–91].

Опираясь на ключевые положения о воле Божией первых Оптинских старцев, преп. Моисей (1782–1862) сформулировал практические «заповеди для постоянного памятования и делания»:

1. Отвержение своего разума и воли иметь.
2. При встрече с каждым лицом поставлять себя худшим, в каком бы то месте ни было.
3. Память смерти вкоренять в сердце глубже.
4. Самоукоренение.
5. Смиренную молитву всегда иметь.
6. Укоризну, аще случится от кого, принимать, как врачевство душевное, с радостию.
7. Что сказано будет <духовником>, в точности выполнять.
8. Аще случится от забвения или от обычая в чем-либо паки согрешить, исповедывать то чистосердечно, как есть, без лукавства [1, с. 129].

Как и прп. Макарий, старец Моисей отвержение от своего разума и воли рассматривает как начало, так и как саму основу духовной жизни. Первым практическим действием, какое при этом надлежит исполнять, является поставление себя худшим других во всех случаях. То есть, с кем бы мы ни встретились, должны считать другого человека и добрее, и умнее, и вообще лучше нас.

Не является ли такой подход надуманным? Ведь с позиции формальной логики два человека не могут быть одновременно один хуже другого. А по названной заповеди они оба должны поставлять себя худшими. Дело, однако, в том, что проблема, на решение которой нацеливает упомянутая заповедь, лежит не во внешних отношениях людей, а во внутреннем отношении человека к правде.

Помысел все время толкает нас на то, чтобы мы признали себя лучше, талантливее, достойнее других людей, – то есть на прегрешение против образа Бога в других людях, по отношению к которому мы не должны превозноситься. Чем сильнее подобное самопревозношение, тем тяжелее последующее падение. Радикально нейтрализовать губительный помысел можно через его противоположность, именно через отношение к себе как худшему из людей.

И если помысел нас преследует постоянно и неутомимо, то и сила смирения к почитанию себя худшим из всех должна быть столь же постоянна и неутомима.

Память смерти здесь хорошая союзница в мысленной брани с врагом, который стоит за помыслом. Ибо плата за грех – смерть. Но не та физическая смерть, которой не избежать на земле и праведнику, а смерть духовная. Духовная смерть есть прекращение существования в качестве разумного и доброго существа, гибель в богооставленных пространствах мрака, страданий и плача. Вот память об этой-то второй смерти и призывает глубже вкоренять в наше сердце прп. Моисей.

Он напоминает нам о том, что безумие есть предаваться помыслу о нашей исключительности, когда за таким помыслом стоит враг, завлекающий человека в вечную погибель. И в качестве очень нелишней меры предосторожности должна быть устойчивая вкоренность в нашем сознании верной мысли о нашем реальном духовном положении и масштабе угрозы, с которой мы все столкнулись.

Люди, которые пытались практически заниматься духовно-нравственным совершенствованием, знают, как нелегко здесь добиться хотя бы небольшого прогресса, как долго греховные наклонности не уступают, и как упорно они стремятся замаскироваться в благовидные предлоги или раствориться в мирской суете. Помысел трансформируется, мимикрирует, обманчиво исчезает и затем вновь является в новом обличье и преследует с новой силой. И нужно время и силы, чтобы его распознать и вступить с ним в борьбу.

Старец Моисей дает нам в этой ситуации еще одного внутреннего союзника – самоукорение. Самоукорение – это прежде всего разотождествление себя с помыслом, когда его еще не удалось изгнать из сердца. То есть, найдя в себе помысел в весьма привлекательной «обертке», нужно самоукорением отделиться от него, локализовать его в нашем сознании, негативной нравственной оценкой обесценить его для души и вызвать его отторжение.

При этом «смиренную молитву всегда иметь». Помощь Божия нужна во всем – принять Его волю означает и принять Его помощь. Познавая волю Божию и пытаясь ее выполнять, человек неизбежно сталкивается с необходимостью получения помощи свыше. Прп. Моисей указывает наиболее действенный путь получения такой помощи – смиренную, то есть творимую с полным осознанием своей немощи, молитву. И это есть единственная возможность выстоять в борьбе с исконным бесплотным врагом человеческого рода.

Помощь Божия может прийти через других людей. При недостатке самоукорения Господь может послать нам в помощь укоризну от наших близких или кого-либо еще. Обычно люди более или менее болезненно воспринимают укоризну, будь то простое замечание или обстоятельная критика. Старец Моисей дает иное, не плотское, но духовное решение – укоризну принимать как целительство души, с радостью. Имеющий радоваться лечению будет иметь и радость исцеления; отвергающий лечение будет нести скорбь от продолжающейся болезни.

Еще одна важная заповедь – в точности исполнять сказанное духовником. Духовник – тот же врач, только имеющий дело с болезнями души. И как не рискует обычный человек делать себе операцию на плотском сердце, так и не стоит рисковать оперировать сердце духовное: определять, что в нем плохо и что хорошо, что надлежит оставить, а что удалить. Имеющий от Бога духовное зрение и дар рассуждения духовник сделает это лучше, мы же должны помочь в этом деле ему (и соответственно себе) точным исполнением сказанного нам, то есть послушанием.

Заключает же старческие заповеди прп. Моисей указанием на необходимость чистосердечного исповедования повторяющихся грехов. Видеть все как есть, без лукавства и утайки перед духовником (старцем), означает возможность вовремя остановить удар и избежать падения.

Следующий Оптинский старец прп. Антоний (1795–1865) доводит до слушателей одну из основных мыслей о значении духовного (старческого) руководства:

Если же кто, надеясь на свой разум, думает не иметь нужды в руководителе, таковой скоро заблудит от пути правого. Почему и должны со слезами молить Господа Бога, чтобы даровал нам наставника или наставницу незаблудную; ибо по гнилости недугов нужен и врач или лекарка опытная и благоискусная [1, с. 159].

Сказанное здесь является основой служения старцев и существенной стороной их учения о воле Божией применительно к ним самим и руководимым ими людям. Ввиду невозможности для новоначальных и духовно неопытных лиц самостоятельно избежать заблуждений и падений Господь по Своей милости дарует таким людям искусных и опытных наставников. Значение этих наставников для людских судеб столь велико, что ищущим старческого руководства надлежит со слезами молить Господа Бога, чтобы желаемое исполнилось.

Таким образом, старчество – это служение, идущее от Бога и имеющее в своем распоряжении чрезвычайные средства для избежания чрезвычайных ситуаций. Подлинный старец должен обладать духовными дарами, чтобы помочь своему подопечному понять положение, в котором он находится, и найти выход из него и вообще обрести улучшение духовной ситуации.

Наиболее известные и необходимые для старчества дары Св. Духа – дар рассуждения, дар целительства и чудотворения по молитве, дар прозорливости. По сути дела, это основной арсенал старца. Через рассуждение старец достигает ясного понимания послушником или духовным чадом жизненных проблем, путей их решения. Целительство и чудотворение необходимы для освобождения от телесной и иной немощи. Наконец, прозорливость есть средство предупреждения о характере будущих событий или средство раскрытия особенностей внутреннего устройства души.

Более всего старцы воспитывают в людях смирение, и прп. Антоний замечает:

Истинно, горе тому человеку, кто не имеет смирения. Кто не умеет сам смиряться, того впоследствии будут смирять люди; а кого не смиряют люди, того смирит Бог [1, с. 166].

В этом положении можно усмотреть две линии поведения человека и два типа человеческой судьбы. Первая – когда человек умеет до известной степени смиряться сам и по такому смирению ищет и обретает руководство у старца. Здесь смирение дает возможность человеку обрести благодать у Бога, который посылает эту благодать через старца, служителя Господа. Старец искусно развивает смирение в подопечном, открывая перед ним возможности получения новой благодати. Поэтому все Оптинские старцы сначала были послушниками у своего Старца и лишь впоследствии становились старцами для других.

Другая линия поведения – это неоправданная надежда решить все духовные проблемы своими силами, что является признаком недостатка смирения. Прп. Антоний говорит, что таковых будут смирять люди. Как смирять? Через конфликты, противостояния, борьбу и взаимные скорби. На этом пути человек потеряет много времени и сил. Но если и человеческие уроки смирения не возымеют действия, тогда смирять будет Бог. И одному Богу известно, как Он это сделает.

Прп. Иларион (1805–1873) дает ценные советы относительно распознавания воли Божией в движении окружающей нас повседневности. Старец в одном из писем говорит о следующем общем правиле:

...С нашей стороны должно быть только произволение с усердием к возложенной обязанности, а совершать все – дело Божие; сделается или что

не сделается, как бы тебе хотелось, должна быть покойною, в чем и да поможет тебе Господь! [1, с. 208].

В этом высказывании проявляется очень характерная черта учения Оптинских старцев – глубокая внутренняя связь их мыслей со Священным Писанием и Священным Преданием. В приведенном отрывке из письма так и слышатся слова Иисуса Христа «Без Меня не можете делать ничего» и правильный ответ человека: «Да будет воля твоя, Господи!»

Мы об этом нередко забываем, но здесь старец Иларион напоминает, что христианская жизнь устроена как служение Богу и ближним и в этом служении надо ревновать о самом служении; результат же служения предопределяется Богом, а не нами.

Старец также являет искусство видения границы, выходя за которую, человеческая мысль и действие утрачивают богоугодный характер. На примере сокрушения (о грехах) он объясняет:

Сокрушение твое, замечаешь, стало превосходить меру, потому что чувствуешь невыносимую тоску. Чрезмерно сокрушаться не следует, это уже не от Бога [1, с. 211].

Человек, начинающий духовную жизнь и становящийся на путь нравственного совершенствования, не имеет необходимой дисциплины мысли и должного контроля чувств. Поэтому благими намерениями может быть услан путь, увы, не в рай. И здесь старчество приходит на помощь, давая – в соответствии со святоотеческой традицией – важный принцип умеренности.

Прп. Иларион, как и другие Оптинские старцы, постоянно напоминает:

...иди среднюю стезю, памятуя слова св. Исаака Сирина, что «умеренному деланию цены неть...» [1, с. 212].

Сопоставляя два последних из приведенных высказываний старца, мы видим, что принцип умеренности («средней стези») является не только средством к обретению самоконтроля над мыслями и чувствами, но и средством к познанию воли Божией. Можно, вероятно, сказать так: исходное благое намерение не должно приходить в противоречие с истинным смыслом заповедей Божиих. Так, в отношении сокрушения должно совершиться сказанное пророком: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». То есть на сокрушение и плач о грехах должна прийти благодать утешения, на которую *есть* воля Бога. Но никак не чувство безысходной тоски, которое пытается внушить диавол.

Говоря обобщенно, Бог есть Творец истинных смыслов вещей и нужно стремиться во всем – послушании, молитве, покаянии и иной любой добродетели – обрести и не исказить эти истинные смыслы. Поэтому когда Оптинские старцы говорят о том, что дар рассуждения есть наиболее важный дар старца, то за этим стоит как раз умение и обязанность старца доносить до людей эти истинные смыслы всего, с чем человек соприкасается в своей жизни. А донести истинные смыслы вещей до человека есть дар сообщения человеку богоугодного видения жизни и его предназначения в ней.

1.3. Богоугодное видение жизни

Этот дар сообщения человеку богоугодного видения жизни достиг высокой степени в наиболее известном Оптинском старце – прп. Амвросии (1812–1891). Его меткие, афористичные высказывания надолго запоминались и привлекли к старцу большое количество людей всех сословий. Повторяя и многократно разъясняя своим духовным чадам и подопечным все сказанное его предшественниками о воле Божией, прп. Амвросий ярко выявил еще одну черту старчества – глубокий психологизм, видение и понимание самых потаенных движений человеческой души.

Распознавая в душах стремление к особенным подвигам и праведности, старец говорил по этому вопросу точно и убедительно:

Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте сердца предаваться воле Божией. Не попустит бо Бог искушиться паче силы, но сотворит со искушением и избытием (Ср.: 1 Кор. 10, 13). Его же бо любит Господь, наказует: бьет же всякаго сына, его же приемлет. ...Аще же без наказания есте ...убо прелюбодейчиши есте, а не сынове (Евр.12, 6, 8) [1, с. 238].

Напрошенный крест... Необычное, но интуитивно понятное выражение. Старец как бы говорит: вы можете вашими просительными молитвами действительно получить от Господа те испытания, о которых думаете и к которым стремитесь. Но тяжесть этих испытаний может оказаться слишком высока и вместо мужества произведет в душе малодушие, а то и отчаяние.

Прп. Амвросий здесь деликатен. Он не развивает эту тему в направлении заповеди «не искушай Господа, Бога твоего». Хотя у некоторых людей отсутствие должного рассуждения о собственных чувствах приводит к смешению понятий: крест испрашивается в надежде на благодать, которая сделает несение этого креста легким. То есть люди на самом деле стремятся к получению благодати, а не несению креста, как они это утверждают. А это уже небезобидно. Ибо искушение Господа часто в том и заключается, что человек как бы вместо Бога принимает решение, что он будет так-то и так-то поддержан и даже чудесно избавлен от напасти, к которой он сам же и стремится.

Вместо этого старец сразу дает оптимальное решение – «в простоте сердца предаваться воле Божией». «В простоте сердца» означает отсутствие всяких измышлений на сердце – где, при каких обстоятельствах и как будет явлена воля Божия в отношении данного человека. То есть характер грядущих на жизненном пути событий надлежит определять не человеку, а Богу. При этом простота сердца является свидетельством, что человек действительно отказался от мечтаний о себе и вверил себя воле Божией, справедливо полагая, что Господу лучше известно, как раскрыть его лучшие качества.

Прп. Амвросий на положениях из Священного Писания показывает преимущества «креста назначенного» над «крестом напрошенным». Ибо в этом случае Бог Сам определяет меру испытаний для людей и не позволяет им (испытаниям) превысить возможности человека по несению скорбей. Личный крест нужен человеку не для удивления других, а для исправления себя. Он нужен для того, чтобы осознать скорби как наказание, данное Господом с любовью, то есть возможностью исправления и принятия Богом в качестве Его сына или дочери.

Поэтому старец сказал еще и так:

Иди – куда поведут, смотри – что покажут, и все говори: да будет воля Твоя! [1, с. 238].

В этом высказывании явственно видна установка на отказ от своей воли. Своя воля здесь воспринимается как помеха действию воле Божией в человеческой судьбе. Но отказ от своей

воли не означает бесхарактерность в человеке, его равнодушие к происходящему или пассивность. Следует подчеркнуть, что отказ от своей воли в учении старцев означает не безволие, а отказ от своеволия – духовно и нравственно ошибочных действий, вытекающих из ограниченности человеческого опыта и поврежденности человеческой натуры грехом.

В словах прп. Амвросия как раз и видна устремленность к свершению воли Божией, что не отрицает, а предполагает активные действия в ситуациях, когда нравственный и духовный смысл событий стал очевиден для человека. Подобная очевидность воспринимается верующим как то, что Бог ему открыл должное видение происходящего, следовательно, открыл и свою волю, как человеку надлежит действовать.

Старец Амвросий дал разъяснение и относительно пределов времени в человеческой жизни:

Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление [1, с. 239].

Человек уходит из жизни не тогда, когда он устал жить и страдать, а тогда, когда Бог выявил его дальнейший статус. Многие страдания Господь посылает своим избранникам ради их высокой доли в Царстве Небесном. Оптинским старцам это было известно как никому другому.

Прп. Анатолий (Зерцалов) (1824–1894) говорит так:

Скорбей у Бога не проси, а пошлет – терпи. В скорбях сокровенна есть милость Божия! [1, с. 276–277].

Сокрыта в скорбях милость Божия! Вот почему все Оптинские старцы так много писали и говорили о скорбях. В их учении о воле Божией скорби (болезни, немощи, недоумения и т. д.) раскрываются как инструмент исправления и совершенствования человека Богом, Его труда над человеком по освобождению последнего от пороков и греховных привычек.

Прп. Анатолий «Старший» (Зерцалов) уделил в своих наставлениях много внимания этому вопросу. Он говорил о необходимости быть готовым встретить скорби тем, кто полюбит молитву Иисусову, – ибо враг не оставит без отмщенья эту нестерпимо жгучую для него молитву. Но одновременно старец заповедовал «скорби собирать как сокровище», поскольку это очень способствует Иисусовой молитве.

В этих наставлениях ярко выразилось понимание Оптинскими старцами роли скорбей в осуществлении воли Божией в человеческой жизни. Можно отметить несколько моментов этого понимания:

1. Неизбежность и неустранимость скорбей. Ссылками на Священное Писание и собственными разъяснениями старцы учили, что скорби хотя и неприятны, но играют такую же роль, как телесная боль, – то есть указывают на болезнь души, которую надобно врачевать. И до уврачевания души скорби будут посещать человека, хотя Господь по своей милости дает и утешение в скорбях.

2. Стремление к отсутствию скорбей неправильно, ибо по сути такое стремление является отказом от духовно-нравственного совершенствования, следовательно – отказом от исполнения воли Божией.

3. Самостоятельное искание скорбей есть такое же заблуждение, как самостоятельное искание лекарства от неизвестной человеку болезни. Вместо исцеления в этом случае можно получить еще более тяжкое увечье.

4. Полезны только те скорби, которые посылает человеку Господь, ибо не скорби важны для Бога, но разумение человека причины и характера его болезни. По достижении такого разумения Господь подает и исцеление, а вместе с ним и избытие скорбей.

5. Перенесение скорбей требует от людей мужества и терпения, воспитывает привычку к постоянной молитве и производит другие, хотя и отчасти вынужденные, но полезные изменения в человеке. Поэтому в учении старцев за скорби надлежит благодарить Бога, являющего через них Свою волю к исправлению и спасению человека.

Прп. Исаакий I (1810–1894) старался убедить иноков в необходимости терпения при случающихся скорбях:

Надо терпеть. Как же святые-то терпели? Что же после этого мы за монахи, если и малых оскорблений переносить не будем! [1, с. 309].

Прп. Иосиф (1837–1911) подчеркнул необходимость упования на Бога в обстоятельствах скорбного земного пути:

Будущее же наше в руках Божиих. И без искушений прожить век нельзя. Не то, так другое, не другое, так третье. Поэтому и Господь предостерегает: «будьте готовы». Впрочем, если всегда будете молитвенно прибегать ко Господу, с упованием на Его милость, то всегда будете обретать благовременную от Него помощь [1, с. 333].

Старец Иосиф был искусен в наставлениях, посвященных воле Божией. Он умел кратко повторить сказанное старцами-предшественниками и в то же время охватить новый круг вопросов, которые жизнь ставила перед его духовными чадами и подопечными.

В приведенном высказывании прп. Иосиф вновь акцентирует сказанное первыми Оптинскими старцами о том, что «Господь вся вещь, еще и несодеянное наше» (прп. Лев), а посему и будущее наше, конечно же, тоже в Его руках. Со столь же несомненной уверенностью старец присоединяется и к оценке своих наставников, что без скорбей и искушений прожить нельзя – «не то, так другое, не другое, так третье».

Следовательно, соединение первого со вторым дает абсолютно логичное и единственное решение: многосложные проблемы жизни, которые иногда рвут человека на части, нужно соединить в себе молитвой к Господу и упованием на Его милость, от чего будет благовременная помощь и возможность жить дальше.

Прп. Иосиф говорил, что всегда должно помнить мудрую пословицу: «Живи не так, как хочется, а как Бог велит». В понимании старца это означало, что как устроились жизненные обстоятельства, так и должно жить. Ибо окружающие нас обстоятельства устраиваются не случайным образом, а Промыслом Божиим.

И здесь мы имеем со своего рода расширением рассматриваемой ситуации. Прп. Иосиф обобщил сказанное ранее старцем Амвросием «иди – куда поведут» на всю жизнь. Уже не частная ситуация требует отказа от своеволия, а ситуация всей жизни. В том, что в жизни устойчиво сложилось положительного, – это от Бога. И потому не надо поддаваться соблазну разрушения данного скромного, но достаточного уклада ради надуманного и неосуществимого плана, коренящегося в недостатке смирения, а отнюдь не в недоиспользованном потенциале человека.

Вероятно, здесь старец исходил из той тайны, которая Оптинским старцам была известна опытно. Суть ее можно определить так: чем сильнее смирение, тем более достойную дает Бог человеку жизнь. И потому не внешняя эффектность жизни (например, слава, известность, богатство, влияние и т. д.) составляет ее внутреннюю необходимость, но глубокое переживание своей причастности и неотъемлемости воле Божией, из чего жизнь данного человека раскроется с необходимой силой и вовне. При этом смирение первично и самоценно, то есть оно не является «инструментом» получения внешних благ, но само является внутренне данным благом, благодатью.

Прп. Варсонофий (1845–1913) хорошо выразил таковое смирение следующими словами:

Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства. Перед нами множество шкатулок, а ключей к ним нет... [1, с. 365].

С новой силой звучит здесь сказанное первым старцем Львом о пределах, положенных человеческому пониманию. В нашей жизни нет случайных комбинаций условий и обстоятельств, все предопределено и вызвано к существованию Богом. Порыв ли ветра, хлопнувший ставнем и позвавший человека из дома, встреча ли с незнакомым человеком, боль или радость, слава или бесчестие – все неслучайно, все есть рассказ Бога нам о нас.

И оттого-то так непонятен этот рассказ, что многое в нем сокрыто, окутано тайной. Бог хочет нам что-то сказать, но Его мысли – не наши мысли. Потребуются долгие годы духовной работы, размышлений, нравственного совершенствования, опыта исполнения заповедей, прежде чем мы хотя бы немного научимся видеть свою жизнь, освещенную Светом, исходящим от Бога. Но и тогда жизнь не станет простой и понятной. Она станет еще более сложной через возросшую степень ответственности за себя и других, через требование мыслить точно и ясно, приходить на помощь всегда, сострадать другим не мыслью о сострадании, а самим взятым на себя страданием.

В какой-то момент мы начнем немного понимать, что значит быть настоящим человеком. И увидим, что это совсем не тот человек, к которому мы привыкли на земле. Мы увидим, что этот духовный человек проходит страдания и испытания ради того, чтобы в нем все сильнее светил Свет, в котором нет никакой тьмы. В этом Свете тайное становится явным, все обретает свой смысл и предназначение, жажда познания утоляется. Но перейти к этому Свету означает перейти из смерти в жизнь.

И ради этого перехода старец Варсонофий наставляет нас помнить об одной вещи:

Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности [1, с. 368].

Познание и обретение в себе воли Божией возможно только в сознании своей греховности. Нельзя стать чистым, не понимая, что ты грязен. Нельзя прийти к истинному Свету, если за свет принимать свою тьму. И нельзя стать совершенным, не понимая, что ты не совершенен.

Поэтому старец учил не гордиться и не тщеславиться ни самим в себе, ни перед другими. Учил считать себя хуже всех и свыкаться с мыслью, что мы приговорены к адским мучениям. Что избавиться от них можем только по милости Божией. И говорил, что это нелегко, что только святые достигали того – считали себя достойными адских мучений, считали себя хуже всех.

Наше достоинство здесь, на земле, определяется мерой познания нашего недостойнства. Чем лучше мы знаем себя, тем лучше видим, сколь мы недостойны, – и оттого, что видим и принимаем эту правду о себе, становимся причастны самой Правде, и через то обретаем и некоторое достоинство.

Прийти к подлинному пониманию нашей трагедии – это значит прийти к страшному выводу о себе – что не кто-то, а конкретно *ты* достоин быть в аду, и что не кто-то, а именно *ты* хуже всех. И через это полное осознание своего недостойнства Бог приводит человека к святости, жизни ради Него и в Нем Самом. Той самой жизни вечной, в которой человек обретает свое вечное достоинство, полноту бытия и свершения Божественного предопределения о нем – что человек есть человек только в Свете, а во тьме его нет.

1.4. Направление к Свету Лица Божия

Прп. Анатолий «Младший» (Потапов) говорит, словно чеканит:

Чрез всех и все с тобою говорит воля Божия, доставляя тебе богато случаи запечатлеть, засвидетельствовать мыслью, словом или делом добротность твоего направления к Свету Лица Божия, а не на поиски изменения жизни с полезностью душевной работы твоей над собою. Направь себя сначала молитвой на путь спасения, тогда и станешь христианкой, кротким молчаливым примером, влекущей других на путь сей [1, с. 399].

Старец приоткрывает тайну жизни, в полноте известной одному Богу, но сообщаемой Им нам через все явления нашего бытия. Воля Бога говорит через всех и через все, и потому Бог не является для нас неведомой, далекой и молчащей реальностью. Он действительно рядом.

И воля Бога, который рядом, состоит в том, чтобы мы имели направление к Свету Его Лица. Прп. Анатолий «Младший» говорит о том, что в жизни человека существенно именно *направление* к Богу. Не частные, хотя и благие цели – поиски изменения жизни, стремление иметь некий полезный результат душевной работы над собой и т. д. Эти цели не предосудительны сами по себе, но они не имеют окончательного значения.

Почему не имеют? Потому что они направлены к нашей личности, ограниченной способом земного существования, но не к Богу, Светом Его Лица открывающего истинную сущность человека – и дающего ответ на вопрос, кто мы есть и зачем живем. Стремление просто исправиться, стать хорошим человеком и найти в этом смысл своего существования – иллюзия.

Оптинские старцы указывают на другой путь. Они предлагают через смирение, дающее зрение подлинного масштаба нашей греховности, увидеть наше *бессилие* как коренную черту всего того, что исходит от нас самих. Это бессилие обесценивает любые наши нравственные поиски и свершения, ибо в этих поисках и свершениях человек лишь черпает новые свидетельства своей немощи.

Вы можете быть богаты – и быть несчастнее нищего. Вы можете быть умны – и вас могут не понимать. Вы можете быть красивы – но ваша красота не только не спасет мир, но и вас самих. Когда мы измеряем мир своей личностью, он становится чужд, глух и беспощаден к нам.

Но сознание своего бессилия открывает человеку дверь к пониманию того, что есть только одна сила, творящая человеку благо совершенно, – воля Божия. Иметь волю Божию в себе – значит иметь направление к Свету Лица Божия, иметь путь спасения. И исходным пунктом, «станцией отправления» здесь выступают не поиски частных целей и путей их достижения, а *молитва*.

Старец Анатолий «Младший» говорит о том, что направить себя на путь спасения надо молитвой. Суть христианской молитвы заключается во всецелом полагании себя воле и милости Божией. Христианин, молитвенно обращающийся к Богу, признает, что сам он не может сделать ничего, и верит, что Бог силен подать ему все, что нужно для жизни, – и любовь, и разумение, и силу, и мудрость, и кротость, и смирение...

Старец наставляет:

Трудно бы было жить на земле, если бы и точно никого не было, кто помог бы нам разобраться в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя [1, с. 399].

Молитва есть общение с Господом. Нельзя получить ответы, не спрашивая Того, Кто способен дать истинный и окончательный ответ. И если Бог нам говорит через всех и все, то через молитву и мы можем говорить к Господу. Источник познания воли Божией – Сам

Господь. Он являет нам Свою волю, Он же и помогает нам ее понять. Молитва есть первое и неотложное дело в познании воли Божией. Она также есть средство и получить помощь в исполнении воли Божией.

Прп. Нектарий (1853–1928) усиливает эти положения:

...Только в общении с Господом, в послушании Слову Его, в чтении оногo, только вера и праведность (или стремление к ним ежечасное), взятые вместе, а не раздельно, только безропотность и благодарение Бога за все посылаемое избавляют нас от всяких болезней, скорбей, напасти, возмещающая все сии миром и радостию о Духе Святе [1, с. 433].

Молитва есть первейшее средство к общению с Господом. Но и ее не довольно к стяжанию богоугодной жизни. Важно ведь не только то, что мы обращаемся к Господу с верой, важно и то, в качестве *кого* мы это делаем. Оптинские старцы напоминали, что Бог слушает праведных, а грешных Он только милует.

Прп. Нектарий разворачивает универсальную (то есть должную для всех) картину обретения богоугодной жизни, которая и есть как познание, так и исполнение воли Божией. Он говорит о том, что общение с Господом – это общение в послушании Его заповедям, постоянном чтении Священного Писания и размышлении над ним, в соединении веры и праведности, ибо нет подлинной веры без праведности и нет подлинной праведности без веры; наконец, старец говорит, что общение с Богом надлежит совершать только безропотно и с благодарением Бога за все посылаемое, ибо Господь все посылает нам по своей милости и заботе о нас.

Почему старец так настойчиво говорит об этом? Потому что он желает нам, чтобы мы, обратившись к Господу, *были услышаны*. Ибо быть не услышанным означает для нас, что мы не поняли и не совершили волю Божию о нас. И это есть трагедия для человека, ибо в этом он познает, что если Бог его не слышит, у него нет в жизни *пути*.

Господь есть Путь, и Истина, и Жизнь. Потерять Господа в своем сердце – потерять свой путь, свою истину и свою жизнь. Оптинские старцы умели помочь людям правильно осознать свой путь в жизни и убедительно показывали людям: если хочешь, чтобы Бог услышал твой голос, услышь сначала Его голос. Если хочешь, чтобы Бог выполнил твою волю (твои прошения, твои мольбы), выполни сначала Его волю. Если хочешь, чтобы Бог дал тебе жизнь, не избирай себе смерть – ибо плата за грех есть смерть.

Прп. Нектарий вновь и вновь повторял самое существенное в учении Оптинских старцев:

Спрашиваете, «Каким путем идти к Богу?» Идите путем смирения! Смирением несением трудных обстоятельств жизни, смирением терпением посылаемых Господом болезней; смиренной надеждою, что не будете оставлены Господом, скорым помощником и любвеобильным Отцом Небесным; смиренною молитвою о помощи свыше, об отгнании уныния и чувства безнадежия, которыми враг спасения тщится привести к отчаянию, гибельному для человека, лишаящему его благодати Божественной и удаляющему от него милосердие Божие [1, с. 436].

Отчаяние – это то состояние души человека, в котором уже невозможно ни познать, ни выполнить волю Божию. Это потеря благодати, потеря в себе силы Божией, которой человек соблюдается к спасению. Недаром враг ищет именно этого состояния души, в котором он может властвовать (по причине богооставленности души) над ней и творить волю свою. Какую волю? Волю мести, волю ненависти, волю смерти.

Так вот, антиподом отчаяния является смирение. Бог не допустит страданий душе сверх должного, не возложит на душу непомерное бремя. И потому смирение доступно человеку во всех обстоятельствах его жизни, сколь бы тяжкими они ни казались. Посему Бог ищет в нас

смирение, в котором Он может сотворить волю Его – волю милости и прощения человеческих грехов, волю любви, волю жизни. Поэтому смирение – это путь к Богу.

Прп. Никон (1888–1931) категоричен:

Если всецело положиться на волю Божию, тогда все будет хорошо, и неприятное будет приниматься как должное... Любящим Бога все поспешествует во благое (Рим. 8, 28) [1, с. 471].

Весьма важный жизненный ориентир. Для нас не столько важно знать, каким будет наше будущее, сколько то, что оно будет хорошим. Основываться только на своих расчетах и предположениях – дело ненадежное. Любой человек может припомнить, сколько раз он полагал что-то реально осуществимым и даже решенным – и затем испытывал разочарование.

Да если бы только это одно! У скольких людей относительно безоблачная и полная надежд жизнь терпела крушение, и приходили суровые, на грани человеческих возможностей, испытания. Сколько людей испытывали нравственный надлом, теряли веру во что бы то ни было – смысл жизни, необходимость нравственности, возможность жить достойно.

Старец Никон раскрывает единственный способ избежать любых разочарований – всецело положиться на волю Бога. Тогда мало-помалу изменится не только течение жизни (в благоприятную сторону) человека, но изменится и его система оценок происходящего. «Простое и естественное» – вроде здоровья и благополучия – будет восприниматься как дар благодати и потому надлежало цениться. Неприятности будут рассматриваться как должное, но не как беспричинное и несправедливое ущемление личности.

И это не «техника релаксации». Это приход в истинное состояние души, в котором душа получает как защиту свыше, так и знание о тайных и явных механизмах ее страдания и исцелении таковых. Короче говоря, во всецелом полагании на волю Божию заключен неискаженный взгляд на человеческую жизнь. Не искаженный иллюзиями и мечтаниями о себе, незнанием духовного смысла пребывания на земле, незнанием того, чем определяется перспектива жизни и смерти человека.

В полагании на волю Божию, в смирении есть угодный Богу путь познания Его воли. Прп. Никон отмечал, что постижение воли Божией доступно чистым по жизни своей и что такие люди получают дар рассуждения, который, по оценке Оптинских старцев, «выше всех добродетелей». И старцы действительно считали, что основа их служения – дар рассуждения, умение распутать клубок противоречий и хитросплетений человеческой жизни, умение ясно изложить суть людских проблем и дать их эффективное решение.

Разумеется, выдающиеся результаты их служения на данном поприще были обусловлены и их другими особенными духовными дарованиями, в частности, даром целительства и вообще чудотворения и даром прозорливости, то есть способности видеть будущие события и распознавать устройство души. Но, в конечном счете, Оптинские старцы все же главной своей задачей видели помощь людям в познании воли Божией, которая (воля Божия) и являлась источником их уникальных способностей чудотворения и прозорливости.

В одном из своих высказываний прп. Никон как бы резюмирует учение Оптинских старцев о познании и исполнении воли Божией:

...Наша жизнь устрояется не самолично, а Промыслом Божиим, успокоение обретается в отречении от своей воли, полного удобства никогда нельзя найти, невозможного Господь не требует от нас и сильное исполнение заповедей Божиих возможно везде и всегда. За сильное понуждение себя в данном месте и положении ко благочестию Господь, увидев человека приуготовленным, исполняет во благих желание его, сподобляя его желанию и образ жизни, если же не сподобляет, значит, оно пока еще для человека не полезно, но во всяком случае сподобляя спасения [1, с. 472].

Глубоко символично было житие последнего из прославленных Оптинских старцев – преподобномученика Исаакия II (Бобрикова) (1865–1938). Он явственно показал, что Оптинские старцы учили следовать воле Божией всей своей жизнью, и если на то есть воля Божия – то смириться перед ней «даже до смерти». Своей мученической кончиной старец Исаакий II это засвидетельствовал.

Также символично и то, что, по некоторым сведениям, был и пятнадцатый Оптинский старец – Амвросий II. Он ушел от нас уже в послевоенное время (после Великой Отечественной войны), когда Оптина Пустынь была закрыта. Жизнь его также протекала большей частью вне этой святой обители, и о ней (о жизни) известно сравнительно мало. Символичность жития Амвросия II заключается в том, что среди русского народа жил Оптинский старец тогда, когда сам народ этого не знал. И тем самым как бы символично открыто было то, что Оптинские старцы не только были, но они есть и будут с нами всегда. Даже тогда, когда мы этого не подозреваем. И потому они по-прежнему учат и будут нас учить следованию воле Божией.

Глава 2. Учение о смирении

Смирение – это путь к Богу. Таково краткое определение понимания Оптинскими старцами сущности смирения. Поскольку путь к Богу лежит через всецелое исполнение воли Божией, то учение о смирении является существенной частью учения Оптинских старцев о познании и исполнении воли Божией. Вместе с тем смирение – это надлежащий образ жизни христианина, в котором достигаются ее цели, независимо от того, протекает ли данная жизнь в монастыре или в миру. Поэтому тема смирения может рассматриваться относительно самостоятельно.

2.1. Путь к Богу

Смирение – это путь к Богу. Оптинские старцы многократно повторяли данное положение и всесторонне раскрывали его смысл.

Первый Оптинский старец прп. Лев говорил так:

...Нам, ищущим спасения, при исполнении заповедей Божиих самоужнейшее есть смирение, которое привлекает к нам Божию благодать и освящает все наши действия, а без оногo никакие подвиги и труды не могут нам доставить многожеланного мира, который даровал нам Премилосердый Создатель, глаголя апостолам: мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам (Ин. 14, 27), и о всем приносите Богу благодарение, а паче, вспоминая великия Его к вам благодеяния и милости [2, т. 2, с. 346].

Человек, ищущий спасения и предпринимающий усилия для исполнения заповедей Божиих, не может не видеть, что его действия в этом направлении *несовершенны*. Все, что делается на земле, делается нескоро и негладко и часто не приносит желаемого результата или далеко не достигает поставленных целей. Само отсутствие значимого результата обычно является источником душевного дискомфорта человека. Но в данном случае речь идет о большем. Насколько несовершенные, а порой и попросту неудачные действия в исполнении заповедей согласуются с волей Божией, благой и совершенной?

Старец Лев разъясняет этот вопрос, говоря по сути вот о чем. Смирение начинается с видения и признания своей немощи в надлежащем исполнении заповедей и терпеливом ожидании восполняющей эту немощь милости Божией. Коль скоро душа человека приняла такое расположение, Господь ее не оставляет, посылая человеку благодать и освящение его действий. Благодать устраняет беспокойство в душе и наполняет ее миром, дает ей внутреннюю силу и дальше стремиться к исполнению заповедей. Освящение действий человека придает им богоугодный характер, хотя они сами по себе и несовершенны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.